

РАВИЛЬ БИКБАТОВ

Военрук. Тимур и его команда

РАВИЛЬ БИКБАЕВ

Военрук. Тимур и его команда

<https://litres.ru/74275413>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если вы попали в прошлое, то смогли бы изменить свою судьбу или историю своей страны? Пожилой мужчина умирает и видит как он вернувшийся с войны десантник работает военруком в школе, учится в институте, влюбляется, живет наслаждаясь мирной жизнью, но и этой жизни есть зона, воры, сотрудник КГБ и на даче ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев. Сумеет ли докричаться до себя только молодого парня умирающий Тимур Батыров или ход истории неизменен?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	43

РАВИЛЬ БИКБАЕВ

Военрук. Тимур и его команда

Глава

Все что написано в данном произведении является авторским вымыслом, а любое сходство с реальными людьми и событиями совпадением.

Я лежал под капельницей в палате реанимации кардиологического центра и знал, что умираю. Ведущий хирург центра Святослав Пахомов стоя у моей кровати пытался меня ободрить.

- Славик, - с трудом выговаривая слова говорил я с усмешкой уставшего от болезни человека, - я знаю, что умираю, ты знаешь, что я умираю. Лучше скажи кому от тебя на том свете привет передать.

- Вы товарищ гвардии сержант ничуть не изменились, всё шутите, - покачал головой хирург Пахомов, а затем Славик наклонился ко мне и прошептал:

- Маму мою увидите передайте, скажите, что у меня всё хорошо, я ее помню и люблю,

Я кивнул. Потом закрыл глаза и молча умирал.

Я умирал и видел, что как в кинофильме разворачивается передо мной моя жизнь. Мне хотелось крикнуть себе, тому парню, что только пришел из армии, предостеречь его от ошибок. Но как в кино при просмотре уже виденного фильма не изменить сюжет и не докричаться до героев, так и я ничего не мог изменить. Или мог? Или я смогу докричаться до себя? Я закричал и услышал:

- Только через мой труп, - гневно и решительно сказала директор школы Ольга Николаевна Соколова, которая всего четыре года назад была моим классным руководителем и знала меня как облупленного.

- Вы хоть знаете кто он? – с гневом указала она на меня перстом и с трудом удержалась, чтобы как встарь не двинуть меня этим перстом по лбу.

В городском управлении народного образования- ГОРО-НО ей представили меня как нового военрука. Когда она меня увидела то ее холеное, но сразу побагровевшее перекосившееся лицо было воплощением изумления, ужаса, негодования и решимости спасти от меня школу, педагогический коллектив и невинных детей.

Я расслаблено сидя на стуле в начальственном кабинете улыбался директору школы той самой кривой вымученной улыбкой которая ее бесила еще когда я был ее учеником. Нелюбимым учеником.

- Я знаю кто он, - важно начальственным тоном ответил сидевший в кресле руководитель городского управления об-

разования невысокий полный дяденька постоянно вытиравший обширную плешь носовым полотняными платком.

В августе нещадно пекло солнце, в кабинете несмотря на открытые настежь окна было душно, вентилятор гонял горячий воздух, но облегчения он не приносил. Я смотрел на директора школы и меня тошнило. Она смотрела на меня и ей тоже было дурно. Ну меня то тошнило от того, что я только вчера бурно отмечал второе августа, а вот ее мучали нервные спазмы от того, что она была вынуждена возобновить знакомство и общение со мной.

- Ну и кто он? –нервно с максимальным сарказмом спросила директор школы.

- Воин интернационалист, - с воодушевлением сказал начальник ГОРОНО Герасим Семенович Кустов, - отмечен государственной наградой, вот сами прочитайте его характеристику,

и протянул женщине листок бумаги,

- Положительная, просто отличная характеристика с фронта борьбы с мировым империализмом, от боевого командира, - с пафосом закончил руководитель предложение.

Ольга Николаевна достав из дамской сумки очки и одев их стала внимательно читать. Через пару строк ее лицо сразу приобрело ликующее выражение и она с радостью следователя разоблачившего матерого преступника крикнула:

- Батыров! Ты что думал я твой почерк не узнаю? Это же ты писал!

Так же ликовала она разоблачив меня когда в ученическом дневнике я выводил «двойки», а вместо них ставил «четверки».

- К тому же, - счастливо улыбаясь обратилась она к руководителю, - сами посмотрите в этом сочинении, в этой фальшивке есть орфографические ошибки,

Руководитель вопросительно посмотрел на меня, а я чистосердечно признал:

- Это писал я!

Выдержал короткую паузу и продолжил взволнованным с нотками трагизма тоном «киношного» героя:

- Я писал в перерыве между боями под диктовку раненого в руку командира. Несмотря на бинт его рана кровоточила, я переживал за него и возможно допустил несколько ошибок, но подпись командира как и печать части подлинны.

Я встал со стула и с горькой обидой фронтовика которому не доверяют «тыловые крысы» тихо с печалью предложил:

- Если вы мне не верите, то всегда можно отправить запрос в часть где я проходил службу.

Перед дембелем характеристику на себя я сам сочинил и написал. Затем подsunул ее на подпись ротному. Тот от радости, что я убываю домой и больше не буду доставлять ему служебные неприятности не глядя ее подписал. Печать на бумагу в штабе поставил знакомый писарь. Но рассказывать эту часть правды о войне я не собирался.

- Знаете, что, – обратился руководитель ГОРОНО к ди-

ректору школы, - есть рекомендация,

он торжественно показал пальцем в потолок жестом говоря о горных высях власти,

- взять на работу в школу молодого, перспективного товарища и мы эту рекомендацию приняли к исполнению,

- У него же нет педагогического образования, - не желая допускать меня в школу, до последней капли учительской крови отстаивала директор последний рубеж обороны,

- Ваш новый руководитель начальной военной подготовки, - уже властным тоном сказал Герасим Семенович Кустов, директору школы Соколовой, - с отличными оценками сдал вступительные экзамены в педагогический институт и зачислен студентом первого курса исторического факультета.

Ольга Николаевна посмотрела на меня, потом на руководителя ГОРОНО, еще раз на меня и заплакала от бессильной злобы. Я подошел к ней и утешающе поглаживая женщину по голове приговаривал:

- Не бойся, солдат ребенка не обидит,

- Правда? – глянула она на меня сквозь слезы.

Я только вздохнул. Солдат ребенка не обидит, это правда. Но я знал своих будущих учеников, это не дети, а просто ...

А всего три месяца назад в мае.

- Ну и как ты дальше жить планируешь? – спросил меня дядя Миша весь такой солидный, ухоженный мужчина.

Мы сидели за накрытым столом в столовой его большого загородного дома.

Я неопределенно пожал плечами. А что тут планировать? Я только две недели как вырвался из раскаленного пекла горной войны и пока просто наслаждался жизнью. Мирной жизнью вернувшегося с войны двадцатилетнего парня. Здесь в тебя не стреляют, никто тебе не приказывает, можно спать вволю, гулять по расцветающим весенним улицам родного города, любоваться красивыми девушками. Вот отдохну чуток, а уж дальше начну планировать.

Но мой собеседник ждал ответа и я будучи уже хорошо выпивши промямлил:

- В институт думаю поступать на истфак,
- Правильное решение, - одобрил мужчина и разлил ледяную водочку по хрустальным рюмкам.
- Если получится конечно, там конкурс десять абитуриентов на место, - дал я реальную оценку своим шансам поступить в ВУЗ.

И мы сразу выпили еще по одной. Эх родимая, хорошо пошла! Еще бы ей плохо пойти, это была водочка из тех, что продавали только в магазинах «Березка» за валюту. Ею поили дипломатов на светских раутах. У этой водочки и марка была «Посольская». В открытой продаже ее не было. Как не было и всего, что холодной закуской разложенное по приборам дорогого дрезденского фарфорового сервиза было на столе: зернистой черной икры; копченной колбасы; тонко нарезанного балыка из осетра, разварной белуги.

- Ты особенно на закуски не налегай, - посоветовал мне

хозяин дома, - сейчас Настя горячее подаст.

Внешне очень привлекательная зрелая женщина в фарфоровой супнице принесла огненной тройной ухи.

- Кушай милый, - налив мне половником янтарной ушницы в глубокую тарелку из сервиза, - предложила Анастасия Викторовна и ласково погладила меня по коротко остриженной голове.

- Я так до дома не доеду, - пробурчал я,

- Так и оставайся ночевать у нас, - предложила красавица, продолжая нежными ладошками гладить меня по чуть отросшим волосам,

- Мама дома ждет, - отказался я от ночевки в доме красавицы и ее холеного муженька,

- Вот наш Сашка так же бы о матери думал, - печально вздохнула красавица, - а то в Москве своей совсем про нас забыл,

- Так он про вас даже на боевых не забывал, - вступился я за товарища, - если надолго уходили то заранее письма писал, чтобы вы не волновались.

Жена отошла от меня к мужу, оба пристально смотрели на меня, по щеке у женщины скатилась одинокая слеза.

Это их раненого в грудь сына я вытащил с поля боя под пулеметным огнем, перевязал, обезболил промедолом, отпоил водой из фляжки, а по прибытии вертолетов, отнес на эвакуацию.

До призыва в армию Сашка был романтиком и решил сна-

чала послужить, а уж потом поступать в институт. Его отец, который в свое время отслужил срочную на флоте был не против, а мать он уговорил. Он был романтиком и напросился в десант, а уж оттуда после учебки в составе сборной команды попал на войну. Вытащить оттуда отец его не успел. Служивший со мной в одной роте Сашка получил свою пулю через три месяца после прибытия в нашу часть. Это ему еще повезло, в том бою пятерых с нашей роты убили.

Награжденного медалью «За отвагу» Сашку демобилизовали по ранению, он поступил в МГИМО, а я остался воевать. Полученные легкие ранения лечил в ПМП нашей части.

Когда я вернулся домой, родители Сашки меня отыскиали, пригласили в гости и вот я сижу за их столом, а они смотрят на меня.

- И все-таки я не понимаю, почему ты отказываешься от поступления в МГИМО, - нервно спросила мама Саши, - и там в Москве помогали бы друг другу. Если боишься, что не поступишь, то Миша решит этот вопрос,

- Помогу, - уверенно сказал Миша, он же Михаил Петрович Бережнов, - лично с Громыко переговорю, он мне не откажет.

Конечно не откажет. У нас в дельте реки, расположена дача управления делами ЦК КПСС, а директором этой дачи был Михаил Петрович Бережнов. Высшие партийные деятели страны дважды в год весной и осенью приезжали в нашу

сказочно прекрасную дельту на рыбалку. Михаил Петрович обеспечивал их отдых и был хорошо знаком со всеми руководителями страны, которых мы видели только на портретах. В кабинеты начальников нашей области он двери «пинком» открывал.

- Я у матери один, - тихо ответил я, - она два года за меня молилась, отмолила от смерти, ее не оставлю.

Мама Сашки всхлипнула.

- Ладно, - несильно хлопнул ладонью по столу Михаил Петрович и Анастасия Викторовна прекратила всхлипывать, - с истфаком в нашем институте я вопрос решу, а тебе предлагаю вот что: переговорю с кем надо и устрою тебя работать военруком в школу, а потом после окончания института двинем тебя сразу по партийной линии,

- Какой из меня военрук? – захохотал я откидываясь на стуле,

Все военруки которых я знал, были немолодые офицеры в отставке.

- Да и кто меня возьмет? – продолжал я беззаботно смеяться,

- Мне сын рассказывал как ты молодых солдат обучал, - на мой смех серьезно сказал Михаил Петрович, - справился там, - чуть улыбнулся он, - справишься и в школе.

До августа у меня было время обдумать предложение стать военруком.

Учиться очно, это получать крохотную стипендию, а что-

бы не сидеть у матери на шее, подрабатывать за копейки. Нет уж, спасибо.

Учится заочно и работать на производстве: это пахать в поте лица от «звонка до звонка» и получать чуть больше ста рублей. Как-то не хочется.

Служить в милиции? Платят немного требуют больше чем платят, дисциплина, переработки, испорченные нервы. Без меня.

Работать в торговле? Зарплаты там мизерные, значит придется подворовывать и ходить под статью.

А военрук? В школе где есть эта вакансия всего два класса: один девятый; один десятый. Значит вести уроки надо всего четыре часа в неделю и нет кошмара классного руководства. А всё остальное время: показался в школе, ушел со школы. А зарплата между прочим двести пятьдесят рубликов в месяц, хватит на прокорм, одежду и гулянки. Есть и ложка дегтя, это дети которых надо учить. Хотя какие это дети, подростки. Сам недавно был такой, помню как «пил кровь» из учителей. А теперь «кровь пить» будут из меня? Или не будут? Не таковский я воин, чтобы кровь с меня пили. Я им покажу НВП, я их научу как Родину любить.

И вот я утешая глажу плачущего директора школы по голове, изо моего рта несет алкогольным перегаром от вчерашнего, а в кармане модных дорогих джинсов копия приказа о приеме на работу.

- Привет Тим! – утром второго сентября у закрытой двери

кабинета НВП громко приветствовал меня в школьном коридоре мой сосед по дому и десятиклассник Артем.

До этого дня я в школе не появлялся. В августе после приема на работу, я был на установочной оплачиваемой сессии в институте. А первого сентября на линейке посвященной началу учебного года меня не было по объективным причинам. Я был на рыбалке в низовье с дядей Мишей и возвращавшемся в Москву на учебу Сашкой.

А Тим — это сокращение от моего имени Тимур, так меня звали в школе, армии, так все знакомые именуют и сейчас.

- Привет Тема, - отозвался я,
- Ты чего это к нам? – поинтересовался Темка,
- Соскучился по школе? - засмеялся он,

Я не успел ответить, как подошли еще ученики выпускного класса.

- Говорят у нас новый военрук? – спросил один,
- Новый старпер, - вздохнула одна из подошедших девочек,
- Опять будет нас заставлять противогазы одевать, - засмеялась еще одна,
- Тим, - лукаво улыбнулась еще одна знакомая мне девочка Лена с выдающимся бюстом из соседнего подъезда моего многоквартирного дома, - А вот бы тебя к нам военруком назначили, уж мы бы с тобой, - подмигнула она, - даже на дополнительные занятия оставались.
- Вы подождите я сейчас приду, - предложил я детям и

ушел переодеваться в оружейную комнату, совмещенную с кабинетом.

Снял модный и дорогой джинсовый костюм и переоделся в полевую форму «эксперименталка». Глянул на себя в зеркало. Красавец! Форма отглажена. На полевой куртке блестит медаль «За отвагу», на погонах лычки сержанта. С лица еще не сошел горный загар, коротко острижен, худощавого телосложения, рост высокий, плечи широкие, выправка строевая, молодое лицо сурово, выражение сосредоточенное.

Изнутри отрыл дверь в кабинет. Галдя и смеясь в помещение, вошли школьники 10 «А» класса и расселись по партам.

- Здравствуйте дети! – встав у учительского стола вежливо я поздоровался с учениками.

- Я ваш новый преподаватель начальной военной подготовки Тимур Абдулович Батыров, - представился я.

- На уроках обращайтесь ко мне товарищ гвардии сержант.

В классе все знакомые мне дети засмеялись. Они смотрели на меня, а я на них. Мы все жили в одном микрорайоне застроенном типовыми пятиэтажными домами. Хотя компания парней и девушек с которыми я проводил свой досуг была постарше моих учеников, но и эти видели меня веселым в состоянии алкогольного опьянения и знали как участника драк на танцах. Более того когда я окончил эту школу то они перешли в шестой класс и помнили меня как не самого луч-

шего ученика чье поведение не раз разбирали на педагогическом совете.

Кто курил в школьном коридоре? Я! Кто срывал уроки? Я! Кто подстрекал одноклассников к прогулам? Я! Кому учителя ставили тройки из милосердия и не желания видеть меня в школе второй год? Мне! Кто не поступил после школы в институт? Я! Кто был участником бесшабашной компании дворовых шалопаев, которого от уголовного дела спас только призыв в армию? Я!

Теперь я думаю понятно почему плакала Ольга Николаевна узнав о моём возвращении в школу.

- Абдула! Поджигай! – нагловатым тоном выкрикнул знакомый мне «борзый» заслуженный школьный хулиган Гриша культовую фразу из фильма «Белое солнце пустыни».

- Ты! – показал я на него пальцем.

Он вздрогнул. В окрестных дворах у меня была заслуженная репутация парня которой быстро ставит на место борзых выпендрежников.

- К доске! – командным тоном приказал я ему.

Подавленный моим голосом он пошел к доске как кролик в пасть удава.

- Ты! – показал я на другого знакомого ученика тихоню и «маменькиного» сыночка Мишеньку,

- К доске! - прорычал я так как будто предлагал ему выйти к расстрельной стенке.

Тот встал и покорно пошел на расстрел.

- Взяли доску с разных сторон и подняли ее, - показал я им на предмет лежавший у моего учительского стола.

С деревянным изделием в руках они встали у стены.

Глубокий вдох! Резкий выдох! Удар! И толстая доска раскалывается под моим жестким ударом кулаком справа.

В классе полная тишина, даже ранее летавшая оса села на занавеску и не жужжала. Я обвел строгим взглядом учеников. Приметил незнакомую симпатичную девочку с косичками.

Сердце у меня дрогнуло, как же она похожа на мою первую любовь Ингу. Девочку с косичками в которую я влюбился в первом классе, с которой сидел за одной партой. А потом ее родители уехали в другой город. От любви осталась только групповая фотография, сделанная после окончания первого класса.

- Вы! – вежливо обратился я к девочке.

Она встала из-за парты.

- Читать умеете? – спросил я,

- Умею, - побледнев пискнула она,

- Читайте вслух с выражением, - протянул я ей листок бумаги.

- Справка из госпиталя, - начала читать девочка с косичками, - дана сержанту Тимуру Абдуловичу Батырову. В результате полученной контузии, у больного Батырова могут случаться приступы неконтролируемой агрессии, в результате которых он не осознает своих действий и не подлежит при-

влечению к уголовной ответственности. Начальник госпиталя полковник медицинской службы Малышев А.Д.

Закончила читать девочка и задрожали ее косички.

- Печать на справке есть? – строго спросил я,

- Есть! – пискнула она,

- Синяя? – властно уточнил я,

- Синяя, - подтвердила она дрожа голосом.

- Думаю, - я взял справку обратно, аккуратно свернул и уложил ее в нагрудный карман куртки, ласково обратился к своим ученикам, - проблем с дисциплиной на наших уроках не будет.

Печать на справке из полевого госпиталя была настоящая, а сама справка поддельная. Я еще перед дембелем сам себе ее напечатал на всякий случай, а знакомая медсестра за флакон духов купленных дукане поставила печать и расписалась за начальника госпиталя.

Морально подавленные дети молчали, а я обратился к Грише:

- Мне поджигать? – свирепо улыбаясь поинтересовался я, показав на обломки доски.

- Не надо, - побледнев попросил он,

- Оба на место, - приказал я мальчикам и легонько парой ударов правой ногой обутой в высокий горный ботинок отбросил обломки доски к стене кабинета.

Доска, которую я легко расколол красивым как в боевике «могучим» ударом, была заранее подпилена, потом скле-

ена древесным клеем и чуть подкрашена, так чтобы не был виден подпил. Так делали у нас в учебке когда проводили «показуху» рукопашного боя десантников для приглашенных гостей и проверяющих. Но я сам недавний школьник, прекрасно знал как произвести впечатление на подростков, которые смотрели пропагандистские фильмы про десант и были твердо уверены, что все десантники мастера рукопашного боя раскалывающие руками -ногами кирпичи и прочие предметы включая черепа врагов.

Все еще стоявшую за партой девочку я спросил:

- Как ваше имя?

- Маша, - опять пискнула она.

Жаль, что не Инга, ну да ладно.

- Присаживайтесь за парту Маша, - предложил я девочке, - и на моих уроках пиццать не надо, учитесь говорить командным голосом это пригодится вам в будущей семейной жизни.

Если бы я знал на ком Маша будет отрабатывать громкий командный голос, то воздержался бы от такого совета.

- Маша, вы умеете готовить гречневую кашу с тушёнкой? – неожиданно спросил я,

- Да, - чуть громче сказала удивленная Маша, пораженная резкими переходами тем на уроке,

- Ставлю вам «Пять»! – сказал я и поставил оценку в журнал,

- Почему ей поставили пять? – спросил я учеников,

- Тим, она тебе просто понравилась, - засмеялась Ленка, а

Маша посмотрела на меня, опустила взгляд и густо покраснела.

- Лена! – погрозил я, - еще одна выходка и ты у меня до выпускного будешь в противогазе сидеть. На уроках я вам не Тим, а товарищ гвардии сержант,

- Если ты Тим, на уроках товарищ сержант, то я для тебя Елена Анатольевна, а в противогазе я сидеть не буду, - стала отстаивать свою независимость покрасневшая от злости хорошенькая Лена и с вызовом уставилась на меня. Наши мамы были хорошими приятельницами и Лене было к кому обратиться за защитой от «злого» учителя.

Класс с интересом слушал нашу перепалку. Я прекрасно понимал, что сейчас определялись границы поведения «учитель-ученик» и если я дам слабинку, то не поможет разбитая ударом кулака доска и справка из госпиталя.

- Ну тогда ко мне на танцах Елена Анатольевна, вы больше не подходите, - пригрозил я.

Две недели назад к ярко накрашенной Ленке, вызывающе одетой в облегающую маечку и мини юбку, вечером на танцах приставал нетрезвый мужик. Я там отдыхал со своей компанией и Лена быстро отступила ко мне. Подошедшему настойчивому мужчине я сделал словесное внушение и пьяница посмотрев на меня и моих готовых к веселой драке приятелей, извинившись перед девушкой покинул культурное заведение.

- Ваша взяла, товарищ гвардии сержант, - мигом сдалась

Ленка, - несите противогаз,

- До противогаса дело еще не дошло, - милостиво простил я бунтарку.

И обратился ко всем:

- Пять Маше я поставил, потому чтобы вы все знали и запомнили: хорошо приготовленная гречневая каша с тушеной — это армейский деликатес. А сытый солдат — сонный солдат, зато голодный воин — это инициативный воин и Боже спаси нас всех и помилуй от инициативы наших воинов. А теперь записываем тему сегодняшнего урока: «Уставы Вооруженных Сил».

Записали? Пишем далее. В Вооруженных силах нашей Родины много уставов. Но все их можно свести к двум пунктам: Первое. Командир всегда прав. Второе. Если командир не прав, смотри пункт первый.

Мальчишки и девчонки захихикали, а я уверенно продолжил:

- Так как предмет который я веду: начальная военная подготовка, то пункт первый и пункт второй устава относятся и к нашим урокам. У кого есть возражения?

Возражений не было.

- Все свободны, - распорядился я,

- Но звонка же с урока еще не было? — с места робко спросил Миша,

- Какой пункт первый устава? — сурово спросил я,

- Командир всегда прав! — встав отчеканил Миша,

- Молодец! За внимание на уроке ставлю тебе пять, - поощрил я ученика и с деланным недоумением спросил у всех:
- Я не понял? Почему вы еще сидите?

Дети встали загальдеи и пошли к выходу. Прозвенел звонок. Ох! Первый урок прошел. Ну-с с почином, это дело надо отметить. На сегодня уроков больше нет, пора домой.

- Тимур Абдулович, - прибежала с утра ко мне в кабинет НВП секретарь директора милая Верочка бывшая ученица прошлогоднего выпуска, студентка заочница естественно географического факультета педагогического института.

- Вас Ольга Николаевна вызывает, срочно, - громко и четко доложила она,

- Как она? – негромко спросил я Веру с которой крутил любовь мой приятель,

- В гневе, - шепнула Вера, - ты Тим поосторожнее с ней.

В гневе? Видала бы ты гнев нашего командира батальона когда он нас застукал за распитием браги на боевом посту при охране склада с боеприпасами. Вот это гнев, вот это ядерный взрыв! А гнев Ольги Николаевны это так, слабенький имитационный взрывпакет.

- Почему вы вчера ушли с работы за шесть часов до ее окончания? – страстно и сурово как только я зашел в ее кабинет спросила директор школы.

- Как студент заочник пошел заниматься самоподготовкой в областную научную библиотеку, - уверенно и нагло соврал я.

Уверенно и нагло врать меня, как и многим другим необходимым для выживания навыкам обучили в армии.

А на самом деле второго сентября после ухода с работы я был на берегу реки в нашем заветном месте и отмечал с друзьями и подругами мой педагогический старт. Пили пиво, ели свежелявленную истекающую жиром воблу, травили анекдоты, смеялись. К нашей компании пыталась присоединиться и моя ученица соседка Лена, но девушки постарше малолетку выставили вон.

- Впредь, - сурово потребовала директор, - вам надо отпрашиваться,

- Хорошо, - решив уж совсем не наглеть согласился я.

Зазвенел телефон. Ольга Николаевна сняла трубку. Далее в разговоре я слышал только ее ответы неизвестному абоненту:

- Слушаю, - сдержанно с достоинством сказала она,

- Да он работает у нас, - уверено отвечала на вопрос директор,

- При устройстве на работу Батыров прошел медицинскую комиссию, его допустили к работе, никаких патологий врачи не обнаружили, - безапелляционно утверждала Ольга Николаевна ,

- Я не могу уволить человека только за то, что он при выполнении воинского долга получил контузию, - сурово отвечала она на высказанное пожелание,

- Уверяю вас, что жизнь и здоровье вашего ребенка вне

опасности, - уже ласково убеждающее успокаивала женщина своего собеседника,

- Извините, но программой обучения не запрещено на уроках ломать доски, - чеканила слова заслуженный учитель,

- Я внимательно наблюдаю за ситуацией, все под контролем, - окончила Ольга Николаевна разговор и печально вздохнула.

- Это уже двадцатый со вчерашнего дня звонок от родителей, - пожаловалась она, мне.

- Ну и навел ты Тимур, шума своим вчерашним уроком, - вздохнула она, - на тебя уже жаловалась не только мне, но и в ГОРОНО и обком партии,

- И что начальство? – заинтересовался я,

- Оттуда уже звонили требовали разобраться на месте и настойчиво просили поддержать молодого специалиста, - печально призналась директор,

- Скажи Тимур, почему они за тебя заступаются?

Я промолчал. На рыбалке первого сентября на даче ЦК КПСС кроме дяди Миши, Сашки и меня был и первый секретарь обкома нашей области. Для него попасть рыбачить на дачу ЦК было как для верующего паломника посетить Гроб Господень в Иерусалиме. Сашке которой учился в МГИМО была безразлична местная знать, он уже водился с московской молодежью. А вот дядя Миша аккуратно демонстрировал меня местной элите. После обильной выпивки под тройную уху расслабленный добродушный первый секретарь по-

трепал меня по плечу и неопределенно заметил:

- Ты звони если, что. Я своему секретарю твою фамилию скажу, соединит. А в ГОРОНО я сам позвоню, все будет пучком,

- Спасибо, - вежливо поблагодарил я.

Но директору о таких событиях в своей жизни я докладывать не собираюсь. Пусть гадает.

- Знаешь Тимур, - едко заговорила Ольга Николаевна, - смотрю я на тебя, слышу, что о тебе говорят ученики и наши коллеги и вижу молодого унтер – офицера Пришибеева,

- Хотя откуда тебе знать кто это такой, - безнадёжным жестом махнула она рукой,

- Ольга Николаевна, - обидой зазвенел мой голос, все же нашла она у меня больное место и ударила по нему,

- Уж вам то прекрасно известно, что история и литература были у меня любимыми предметами. По литературе у меня была честная пятерка. Унтер – офицер Пришибеев, герой одноименного рассказа Чехова. А по истории вы мне не ставили отлично только из вредности,

- Не из вредности, а в воспитательных целях, - взвилась директор, - ты постоянно со мной спорил на уроках,

- Вот и наслаждайтесь теперь плодами своего воспитания, - усмехнулся я,

- Закон кармы сработал, я это ваше воздаяние за грехи,

- Хотя откуда вам атеисту знать, что такое карма? - безнадёжным жестом махнул я рукой,

- Как ты был наглецом, так ты им и остался, - вздохнула Ольга Николаевна, - только стал старше и увереннее.

Мы замолчали, я чувствовал недоговоренность и не спешил уходить из кабинета.

- Тимур, я знаю, что в душе ты добрый мальчик, - с трудом подавив злобу приторно ласково заговорила директор школы,

- Мне пять лет назад вы говорили другое, - припомнил я старые обиды, - а на педсовете требовали моего исключения и перевода в специнтернат для малолетних преступников,

- Тимур, - лицо у директора пошло красными пятнами, - прошу тебя не трогай мою дочь,

- Не трогать вашу дочь? – недоумевал я, - Так я ее даже в глаза не видел,

- Маша ученица десятого класса которой ты поставил пять на первом уроке, моя дочь. Я перевела ее в эту школу, чтобы не было неожиданностей на выпуске,

- Маша ваша дочь? – тупо переспросил я, - Совсем на вас не похожа, такая милая девчушка с косичками, просто прелесть,

- Она вчера на ужин сварила гречневую кашу с говяжьей тушенкой и весь вечер расспрашивала меня каким ты был учеником, кто тебе нравился и с кем из девочек ты встречался,

- Еще и влюбится, - засмеялся я, - и стану я вашим зятем, вот это будет фокус! А что? Теща из вас отличная получится!

- Не паясничай, - выкрикнула директриса, - она идет на золотую медаль.

И заплакав говорила:

- В этом возрасте стоит девочке влюбиться так сразу мозги набекрень, родители дураки которые ничего не понимают, а вот он единственный свет в окошке и я все для него сделаю, Помнишь чем дело у Джульетты закончилось?

- Да не трону я вашу дочку, - стал успокаивать я расстроенную маму Маши, - я еще не нагулялся, институт не окончил, квартиру не получил, жениться не планирую, а просто так обижать девчонку не буду,

- Прости Тимур, - чуть успокоилась директриса, - что не верила тебе. Ты стал здраво рассуждать, армия и ее дисциплина явно пошли тебе на пользу,

- Тоже самое говорил мой ротный, - вздохнул я, - а потом нас застукал комбат когда мы распивали брагу прямо на посту по охране склада с боеприпасами.

- Интересно, а почему тебя не расстреляли? – задумалась директриса, я ей хотел ответить, но не успел, в кабинет без стука ворвалась хорошенька девочка и дико завопила:

- Можете меня расстрелять, но я к этим ... - тут милая девчушка неожиданно выдала матерную тираду характеризующую ее учеников, - больше не пойду!

- Это наш новый учитель биологии, пришла работать к нам сразу после окончания института, - представила ее директор, - это ее третий урок в нашей школе,

- Негодяи, - заливалась слезами девчушка, - мерзавцы! Я им про пестики и тычинки, а они мне, - тут девчушка озвучила пару матерных наименований мужских и женских половых органов, - я им делаю замечания, а они смеются, да я им ...

Затряслась она.

- Виктория Павловна, - стала разряжать обстановку директриса, - позвольте вам представить, это наш военрук Батыров Тимур Абдулович,

- А контуженный, - посмотрела на меня Виктория Павловна,

Так я узнал из ее уст своё педагогическое имя: «Контуженный».

- А правда, что у вас есть справка, что вы можете убить кого угодно и вам за это ничего не будет, - заинтересовалась она, и тут же перешла к просьбе:

- А вы не можете этих ...

- Детей не убиваю, - лишил я ее сладкой надежды на месть,

- Но могу ...

- Не смей! – не дав мне договорить кинулась на защиту детей директор,

- Я не позволю, - быстро выскочив из – за своего стола затопала она ногами по новому линолеуму,

- Всем взявшимся за ум гарантирую жизнь и хорошие условия пребывания в школе, - обещал я.

- Пошли, - не дожидаясь разрешения дернул я за руку за-

плакannую Викторию Павловну и мы выйдя из кабинета директора, двинулись в кабинет биологии из которого доносился шум и гам распоясавшейся сволю ..., прошу прощения, детей. Директор семенила за нами, она не могла остановить меня, но бросить без защиты детей тоже не могла.

В класс я вошел первым. Молча встал у доски. «Кон-
туженный» услышал я затихающие голоса учеников 8 «Б» класса и настала тишина.

- Симаков, - узнал я одного из учеников живущего в соседнем дворе и судя по наглой мор..., простите, лицу, явно-
го заводилу.

- Представь себе, - внушительно заговорил я, - у Виктории Павловны, есть парень. Этого парня я знаю, он служил в десанте. И этому парню, очень не понравится, что его девушку обижают. И вот встречается он тебя вечером во дворе, достает солдатский ремень с медной бляхой.

Симаков побледнел, а я продолжал:

- Ты пойми дурачок, - смотрел я на Симакова с лица которого мигом смылась наглость, - если я буду рядом, то он тебя не тронет, но я тебе в охрану не нанимался. Так что сиди дома безвылазно. А в школу и со школы пусть тебя водит мама.

- Тим, - смущенно начал говорить Симаков, я с недоумением поднял брови и он мигом поправился, - товарищ гвардии сержант, я больше так не буду.

- Гм, - сомневался я обращаясь к всему классу, - а кто будет?

Мрачное молчание было ответом.

- Виктория Павловна, заходите, - пригласил я учителя биологии внешне выглядевшей как семнадцатилетняя девочка,

- Дети, что надо сделать, когда в класс входит учитель? - вежливо спросил я.

Дети с недовольными лицами недружно встали.

- Что надо сказать учителю, Симаков? – продолжил я,

- Извините Виктория Павловна, - промямлил Симаков, - я больше так не буду,

Виктория Павловна прощая ребенка величественно кивнула.

- А еще Симаков, добровольно выразил желание, после уроков месяц убирать клетки в живом уголке, так?

- Так, - уныло согласился со мной, Симаков,

- Ну-с не буду мешать, продолжайте урок, - попрощался я с учителем биологии и вышел из класса.

- Тимур, - тихо заговорила директор школы дожидавшаяся окончания беседы в коридоре, - Ты где так научился разговаривать с детьми?

- Ольга Николаевна, - впервые серьезно ответил я, - мне пришлось на войне молодых бойцов обучать, взводом я командовал, там и научился, нужда заставила. Если не подчиняются надо заставить, а то на тебя мужской половой орган положат, а вот метод принуждения зависит от ситуации. Мне и бить ребят приходилось, зато у меня боевых потерь не бы-

ло. Вот так.

И легко на память процитировал Есенина:

Ничего, родная! Успокойся.

Это только тягостная бредь.

Не такой уж горький я пропойца,

Чтоб, тебя не видя, умереть.

- Надеюсь учеников вы Тимур Абдулович, бить не будите,
- выразила надежду директор школы и ушла в свой кабинет.

Ну вроде как нормальные отношения начинают выстраиваться.

- Когда они в одной компании бухали. У меня старший брат его спрашивал: «Тим? А правда, что ты зеленых беретов резал?». А Контуженный стакан водяры залпом ахнул и отвечает ничего не могу сказать, под подпиской я.

Слушал я, переодеваясь в форму в оружейной комнате, мальчишеский голос и улыбался.

Про зеленых беретов, я до армии читал книжку автора

Гривадия Горпожакса «Джин Грин – неприкасаемый: Карьера агента ЦРУ GB №014». И тоже думал, что зеленые бере-ты это суперэлита армии США и нам вчерашним школьни-кам трудно будет с ними справиться. Но послужив в десанте и послушав рассказы наших офицеров участников войны во Вьетнаме, понял ничего особенного в них нет. Пуле плевать кого цвета у тебя берет, важно кто первым выстрелит и по-падет, а стрелял я быстро и хорошо.

А на войне я вообще никого не резал за исключение хлеба и мяса. Но я был десантником и не хотел разрушать легенду о доблести этого рода войск. Поэтому на все вопросы хоть в пьяном, хоть в трезвом виде, отвечал уклончиво, отнеки-ваясь подпиской о неразглашении, которую кстати никто с меня и не брал.

Из оружейной комнаты, где я подслушивал разговоры де-тей рассказывавших за партами еще до начала урока, я вышел в класс с началом звонка.

Дети дисциплинированно встали из-за парт.

- Здравствуйте товарищи! - бодро приветствовал я уча-щихся,

- Здравия желаем товарищ гвардии сержант, - вразнобой ответили мальчики и девочки.

- Присаживайтесь, - разрешил я.

Сегодня с утра прямо с 08.00 у меня сдвоенный урок у 9 «А» класса. Дети ждали, что я скажу, а я смотрел в окно. Был чудный сентябрьский денек. Сентябрь у нас в дельте, это

как ласковый трогательно нежный прощальный поцелуй лета. Солнечно, но удушающая жара уже прошла, воздух свеж, тепло, и так не хочется сидеть в душном кабинете и заниматься военной подготовкой.

- Сегодня у нас особый урок, - начал я, а дети насторожились не зная, что ждать от Контуженного, - мы будем учиться выполнять специальные упражнения, которые для Воздушно - Десантных Войск разработали лучшие специалисты Министерства обороны. Девочки могут просто посмотреть, для них это не обязательно.

- Еще чего, - с места выступила Галка Лодкина и гордо, - мы тоже хотим участвовать.

Галка занималась бегом, была чемпионкой города среди юниоров и лидером класса, другие девочки дружно ее поддерживали, не все хотели выполнять специальные упражнения, но все хотели не подвергаться насмешкам от легкоатлетки.

- Согласились? – обвел я строгим взглядом девчат, - Будь по-вашему, но обратной дороги нет.

Предупредил я девичью половину класса.

Я вывел класс на заасфальтированную часть школьной спортплощадки. Построил в шеренгу по росту.

Рявкнул:

- Равняйся! Смирно!

И началось. Я показывал, они выполняли: строевая стойка; отработка строевого шага на месте; движение строевым шагом.

Первые десять минут дети еще старалась, было смешно, мне.

Вот что я искренне с первого дня службы возненавидел в армии, так это строевую подготовку. Меня ею мучали в учебке.

Теперь я учил и мучал строевой детей. И они, судя по их взглядам на меня, уже заразились ненавистью к этим упражнениям. До них всего за тридцать минут учебного времени уже дошла осмысленная бессмыслица этих занятий. Но они терпели, пока терпели. С особой грацией строевым шагом шли девочки обутые в туфли на высоком каблуки и одетые в узкие обтягивающие юбки, раненая в ногу беременная верблюдица, которую я видел на войне когда громили духовский караван и то лучше ходила.

- Разрешите обратиться? – не выдержал издеательства один из учеников,

- Слушаю тебя Шамиль. Говори брат, - слегка утрируя нижеволжский акцент разрешил я.

Его прабабушка была троюродной сестрой моего прадедушки, а следовательно мы были близкой родней. Семья Шамиля жила через дорогу от моего дома. Они бывали в гостях у нас, я был в гостях у них. Уходя в армию я подарил ему набор своих оловянных солдатиков.

- Это что специальные упражнения для ВДВ? – с сарказмом спросил Шамиль про строевую подготовку.

- А тебе они не нравятся? – с подначкой поинтересовался

я,

- Нет, - отрубил Шамиль и ученики, прекратив движение строевым шагом по квадрату с надеждой смотрели на моего младшего брата неизвестной степени родства.

Брата Контуженный не тронет, а может пожалеет и мы все вернемся в такой уютный, пыльный, душный класс НВП. Так мечтали они.

- Эти упражнения развивают координацию движений, тренируют волю и вырабатывают у воина рефлекс к безусловному выполнению команды командира. Эти качества необходимы всем воинам и особенно десантникам, - объяснял я ученикам, так как объясняли мне в учебке.

Первый и единственный раз объяснили словами, потом были отработанные многовековой практикой физические методы подгонки новобранца под единый военный стандарт.

- Мы вырабатываем условный рефлекс, как собачки Павлова, - с горечью заметил Славик Пахомов, чья мама была участковым врачом педиатром и лечила меня от детских болезней.

- Пахомов! - рявкнул я, - Собаке Павлова установили памятник перед институтом экспериментальной медицины и если ты меня не избавишь от своих замечаний, то памятник тебе я устанавливаю в кабинете НВП,

- Я после школы в медицинский буду поступать, - бунтовал Пахомов, - зачем мне ваша строевая?

- Вот видишь, - улыбнулся я ему, так же как улыбалась

мне его мама, когда делала болючий укол в ягодицу, - какую большую пользу ты уже получил от этих занятий.

Пахомов со злобой и скепсисом смотрел на меня.

-Теперь, - продолжал я, - у тебя будет мотивация учиться по химии и биологии только на отлично, по остальным предметам как минимум на хорошо, чтобы поступить в мединститут где конкурс двенадцать абитуриентов на место и избежать армейской муштры.

Сраженный армейской логикой, бессмысленной и беспощадной, Славик умолк. Больше бунтовщиков не было. 9 «А» безропотно принял свою судьбу и до окончания урока занимал отработкой строевых упражнений.

- Разойдись! Перекур! - объявил я когда прозвенел звонок с урока слышный даже на улице.

- Вот прям так и можно курить? – удивился Игорь Волжин и достал пачку сигарет.

- Кури, - равнодушно разрешил я.

И только Игорь достал зажигалку как я его тут же обломал:

- Первое, - мягко и укоризненно заметил я, - когда собираешься закурить, то сначала надо предложить сигарету старшему по званию,

- Угощайтесь товарищ гвардии сержант, - протянул мне пачку Игорь,

- Второе, - не взяв его сигарету, говорил я, - разрешаю тебе курить в моем присутствии только когда ты в полном боевом

пробежишь марш – бросок в десять километров.

Лицо у Игоря разочарованно вытянулось, прислушивающиеся к разговору мальчишки и девчонки захихикали.

- Третье, - нудил я, - окружность школьного стадиона составляет один километр, тебе надо пробежать всего десять кругов. У нас впереди еще один урок, так что приступай к бегу Игорек, время пошло.

- Четвертое, - посмотрел я на детей хихикающих над обескураженным Игорем, - сейчас вы познакомитесь с боевым армейским приемом под названием: «Воспитание через коллектив». Это означает, что за поступок одного отвечают все. Т.е. бегаєте вместе с Игорем, потому, что никто из вас даже не подумал его остановить когда он нагло пытался закурить в моем присутствии. Вперед, орлы!

Орлы нехотя пошли на стадион, а вот орлицы в туфлях на каблуках и узких юбках были готовы взбунтоваться, зарыдать и умереть от слез на месте. И только стройная, хорошенькая Галя Лодкина чуть высокомерно улыбалась. Она пришла на урок в обуви на низком каблуке, в не мешающей движениям темной юбке, координация движений у нее была отличная, а пробежать десять километров для чемпионки города по бегу не составляло труда.

- Галя, - обратился я ней, - тебя же массажу ног на тренировках учили?

- Учили, - насторожилась она и ехидно, - но вам товарищ гвардии сержант я массаж делать не буду. Вон Виктория Пав-

ловна, которую вы защитили пусть вас массирует, а если она не умеет, то могу ее научить,

- Уела, - признал я, - и заставила покраснеть,

Орлицы в туфлях на высоких каблуках и узких юбках передумали рыдать и умирать, а с упоением слушали наш диалог. Все их симпатии были на стороне Лодкиной. Они даже загордились своей одноклассницей бесстрашно и ехидно пререкающейся с Контуженным. Ее авторитет взмыл в стратосферу.

- Что-то я не наблюдаю покраснений на вашем лице, - с подозрением сказала Лодкина,

- Это потому, что их там нет, - засмеялся я, - а твои подначки мне по фиг, я парень молодой, неженатый, с кем хочу с тем и встречаюсь,

- А с Викторией Павловной у вас роман, да? – с жадным интересом спросила Кристина у которой были самые высокие каблуки на обуви и самая узкая юбка.

- У меня Кристина, - сухо сказал я, – одиннадцать учениц у которых болят ноги после занятий и ехидина которая вместо того, чтобы научить подруг массажу стоп ног, пререкается со мной пытаюсь заработать дешевый авторитет.

- У тебя Галя авторитета и так хватает, - обратился я к девушке, - и я тебя за занятия спортом и волю к победе на соревнованиях уважаю.

Девушка заулыбалась.

- А теперь учи одноклассниц делать себе массаж стоп, а

то они уже через час ходить не смогут.

- Сели на лавочку, - приказала Лодкина, - сняли туфли, пошевелили пальцами ног.

Стала учить Лодкина девочек массажу, те нагибаясь кричали, но старательно растирали пальцы ног и ступни. Пока довольная Лодкина на них покрикивала, я отошел к стадиону, где мальчики делали вид, что бегут по кругу стадиона.

- На сегодня хватит, - громко распорядился я, - на следующих уроках доберете норму.

Вымотанные дети устало с кислыми лицами подошли ко мне.

- Идите к девочкам, - приказал я, - садитесь напротив них на скамейку и Лодкина покажет вам как делать массаж ног.

- Шамиль, - обратился я брату, - тебе спецзадание, вот тебе пожарный ключ, когда класс окончит массаж, откроешь воду из гидрокрана. Пусть все вымоют ноги, руки и лицо. А я пока позанимаюсь.

И ушел к турнику. Снял куртку, десантную маечку тельник и с голым торсом стал делать подъем переворотом и выход силой на обе руки. Пока выполнял эти упражнения то заметил как за мной наблюдают дети. Смотрите, я принципе для вас и стараюсь, чтобы вы видели, что военрук у вас не дохляк.

После окончания водных процедур класс построился. Уныние и усталость у детей были смыты холодной водой, но недовольное выражение не покидало их лиц.

- Лодкина! – посмотрел я на единственную довольную проведенным временем девушку, - Ставлю вам «пять». И пишу вашему тренеру благодарственное письмо за прекрасную и всестороннюю подготовку его физкультурницы.

Девушка мило заулыбалась. Приятная у нее улыбка.

- Пока у нас теплые дни, - обратился я к ученикам, - все занятия у нас будут проходить на спортплощадке.

- Строевая и бег? – обреченно спросил Пахомов,

- Они самые, дорогой товарищ, они самые.

Прозвенел звонок.

- Разойдись! – скомандовал я.

Первым пошел в помещение школы и слышал как намеренно громко разговаривали девушки:

- Галка, - слышался звонкий голос Кристины, - а Контуженный к тебе походу неровно дышит,

Ровно я дышу, ровно и иду дальше, ровно по-строевому держа спину.

- Тебе пятнадцать Контуженному двадцать. Подумаешь пять лет разницы, - засмеялась соседка Гали по парте Валя, - у меня отец старше матери на десять лет, а живут душа в душу.

Да что вы себе выдумываете? У меня и в мыслях ничего такого нет.

- Виктория Павловна из ревности начнет тебе двойки ставить, - смеялась Галина подруга Тома,

- Пусть только попробует, - уверенно звучал голос Гали, -

я ей все волосы повывергиваю. А контузию вылечим, у меня дядя невропатолог.

И ведь прекрасно знают, что я их слышу. Нет, к такому повороту событий я не готов, мне это не надо. Это не НВП, а черт знает, что такое. Уволится что-ли пока не поздно?

- Что это? – настороженно спросила меня директор когда войдя без спросу в ее кабинет я протянул ей разлинованный, вырванный из ученической тетради листок бумаги.

- Это воплощение вашей мечты, - сухо сказал я, - мое заявление об увольнении по собственному желанию.

- Быстро, ты спекся, гвардии сержант, - усмехнулась директор принимая заявление, - а еще десантник, награжден медалью «За отвагу». Где твоя отвага военрук?

- Я могу обучить кого угодно из парней и отправить их на войну зная, что у них есть шансы выжить. Могу сам воевать. Но извините с бабами и их фантазиями я работать не могу и не хочу.

- Обидели маленькие девочки, большого дядю, - с воодушевлением злорадствовала Ольга Николаевна,

- Ну поплачься тетеньке, я тебя пожалею, - насмешливо предложила она и широко разведя руки, жестом предложила мне упасть ей на грудь.

Кстати грудь у нее пышная не меньше четвертого размера, машинально отметил я и заорал:

- Хватит надо мной издеваться!

- Я тебе тоже самое говорила, когда ты учился в десятом

классе, помнишь? – продолжала злорадствовать директор,

- Как ты мне всего пару дней назад говорил? Это закон кармы, - усмехнулась она, - тоже наслаждайся теперь. А заявление я тебе не подпишу иди и работай,

- Не имеете права, - заорал я тем же тоном и теми же словами как в девятом классе когда она меня стукнула указательным пальцем по лбу, а щелчком языка имитировала звук от удара по пустому предмету.

- Не имею, - согласилась директор, - но заявление не подпишу, а ты ходи и жалуйся на меня по всем инстанциям, не возражаю, имеешь право.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.